

ДЕВЧАТА ЗНАКОМЯТСЯ С ТОСЕЙ

Ох и долго же добиралась Тося к месту новой своей работы!

Сначала ее мчал поезд. За окном вагона веером разворачивались пустые осенние поля, мелькали сквозные рыжие перелески, подолгу маячили незнакомые города с дымными трубами заводов. А деревни и поселки все выбегали и выбегали к железной дороге — для того лишь, чтобы на миг покрасоваться перед Тосей, с лету прочертить оконное стекло и свалиться под откос. Впервые в жизни Тося заехала в такую даль, и с непривычки ей порой казалось, что вся родная страна выстроилась перед ней, а она в своем цельнометаллическом пружинистом вагоне несется вдоль строя и принимает парад.

Потом Тося зябла в легоньком пальтеце на палубе речного парохода. Старательно шлепали плицы¹, перелопачивая тяжелую сентябрьскую воду. Встречный буксир тянул длиннющий плот: бревен в нем хватило бы, чтобы воздвигнуть на голом месте целый город с сотнями жилых домов, школами, больницами, клубом и кинотеатром. «Даже с двумя кинотеатрами!» — решила Тося, заботясь о жителях нового

¹ *Плицы* — лопасть парового колеса.

города, в котором, возможно, когда-нибудь придется жить и ей самой. Дикий лес, подступающий вплотную к реке, перемежался заливными лугами. Пестрые крутобокие холмогорки, словно сошедшие с плаката об успехах животноводства, лениво цедили воду из реки. Сплавщики зачищали берега от обсохших за лето бревен, убирали в запанях¹ неведомые Тосе сплотовые станки и боны, готовились к близкой зиме.

Напоследок Тося сменила пароход на грузовик и тряслась в кузове орсовской² полуторки по ухабистой дороге. Дремучий лес заманивал Тосю все глубже и глубже в заповедную свою чащобу. Взобравшись на ящик с макаронами, Тося с молодым охотничьим азартом озиралась по сторонам, выслеживая притаившихся медведей. Юркая бочка с постным маслом неприкаянно каталась по днищу кузова и все норовила грязным боком исподтишка припечатать Тосины чулки. Тося зорко охраняла единственные приличные свои чулки и еще на дальних подступах к ним пинала бочку ногой. Один лишь разик за всю дорогу она зазевалась на толстенные сосны, с корнем вывороченные буреломом, — и ехидная бочка тотчас же подкатилась к беззащитным чулкам и сделала-таки свое подлое дело...

И вот уже Тося в лесном поселке, где ей предстояло жить и работать. Она еле поспевала за длинноногим комендантом, торжественно шествующим по улице с одеялом и простынями под мышкой. В унизированной одежде молодцеватого коменданта

¹ *Запань* — заграждение на реке для хранения и сортировки сплавляемого леса.

² *Орсовский* — от ОРС — отдела рабочего снабжения.

объединились несколько родов войск: на нем были кавалерийские бриджи, морской китель и фуражка с голубым летным околышем.

Стараясь не отстать от коменданта, Тося на ходу разглядывала поселок. Когда-то здесь шумел вековой лес, но, воздвигая дома, все деревья, как водится, опрометчиво вырубili. И теперь лишь кое-где, рядом с неохватными полусгнившими пнями, торчали, огражденные штакетником, хлипкие и почти безнадёжные прутьики, посаженные местными школьниками в последнюю кампанию по озеленению и благоустройству поселка.

И строгий начальник лесопункта, с которым только что беседовала Тося, и комендант, по-журавлиному вышагивающий впереди нее, и редкие лесорубы, попадающиеся Тосе на улице, — все они, точно заранее сговорившись между собой, довольно удачно делали вид, будто и не подозревают даже, что живут у черта на куличках. Они вели себя так, словно поселок их находился где-нибудь в центральной, легкодоступной для новых рабочих области, а не затерялся в северной лесной глухомани, под самым пунктиром Полярного круга.

«Вот артисты!» — удивилась Тося и потерла бок, где ныла какая-то молодая косточка, ушибленная в трясучем грузовике.

Забывая все звуки вокруг, пронзительно визжала циркульная пила на шпалорезке. Тосе казалось, что пиле больно, она кричит-надрывается, жалуясь на свою судьбу, а люди впрягли нестерпимую ее боль в приводной ремень, назвали самоуправство свое работой, дали пиле план и заставляют ее освобождать шпалы, притаившиеся в бревнах, от горбылей и лиш-

них досок. Тося пожалела несчастную пилу и припустила за комендантом.

На складе у излучины реки разгружали состав бревен, привезенных из лесу бойким паровозиком «кукушкой». Никогда еще в своей жизни Тося не видела такой уймы бревен. Высокие штабеля выстроились на берегу многоэтажными домами без окон и дверей. Бревна тихо лежали в штабелях, отдыхая в ожидании будущей весны, когда их сбросят в воду и они начнут свой долгий и нелегкий путь к сплоточным запаням и перевалочным базам, к лесопильным заводам в устье реки, к далеким стройкам и ненасытным бумажным фабрикам.

— А много у вас лесу рубят! — почтительно сказала Тося, догоняя коменданта.

— Трудимся... — скромно отозвался комендант и, снисходя к Тосиной неопытности, пояснил: — На нижний склад весь лесопункт работает.

— Значит, и верхний есть? — предположила Тося, и ей самой понравилось, что она такая догадливая.

— Есть и верхние... Сама откуда будешь?

— Воронежская я.

— Залетела! — подивился комендант.

Они подошли к женскому общежитию. Комендант враждебно ткнул кулаком в сторону укромной завалинки, выходящей на пустырь:

— А это место Камчаткой у нас называется. Сидят тут некоторые по вечерам. Посидят-посидят, а потом и комнату отдельную требуют. А комнат свободных у нас нету, ты это учти!

Тося боязливо покосилась на Камчатку, сухо ответила:

— Мне это без надобности.

— Все вы поначалу так говорите! — умудренно сказал комендант и вспрыгнул на крыльцо.

Они вошли в темный мрачноватый коридор. Комендант распахнул перед Тосей дальнюю дверь.

— Вот здесь и жить будешь.

Тося пошаркала ногами из уважения к новому своему жилью и шагнула через невысокий порожек. Комната была не так чтоб уж слишком тесная, но и просторной ее назвать язык тоже не поворачивался. Вдоль бревенчатых стен стояло пять коек: четыре из них были застланы, а на пятой лежал голый тощий матрас. Комендант издали хорошо натренированной рукой бросил на него принесенные с собой одеяло и простыни.

— А подушки своей у тебя нету? — с надеждой в голосе обратился он к Тосе. — Тумбочек у нас хоть завались, могу даже две дать, а по части подушек бедствуем...

— Что же мне теперь, спать на тумбочке? — воинственно спросила Тося, уверенная в своем кровном праве на подушку и полная непоколебимой решимости выцарапать у коменданта все, что ей причитается.

Комендант внимательно оглядел Тосю — от стоптанных туфлишек подросткового размера до реденького платка на голове.

— Это что, все твои вещи? — полюбопытствовал он, кивнув на куцый Тосин баул.

— Все... — виновато ответила Тося.

— Тоже мне, приезжают!

Тося самолюбиво закусил губу и вскинула острый девчоночий подбородок.

— Не в вещах счастье!

— Знаешь, девушка, — примирительно сказал комендант, — без них тоже полного счастья нету... Располагайся, подушку я тебе раздобуду.

Комендант вышел. Тося села на свою койку и по давней привычке попробовала было покачаться на пружинах, но у нее ничего не получилось. Она заинтересованно приподняла матрас и увидела под ним доски, лежащие на ржавых железных прутьях.

— Вот тебе и счастье!.. — пробормотала Тося.

Она застелила койку быстро и умело, с явным удовольствием человека, уставшего от бездомья в долгих дорожных мытарствах и радующегося, что наконец-то обретен свой угол.

Несмотря на зеленую ее молодость, заметно, что Тося давно уже привыкла к самостоятельности и всюду, куда бы ни забросила ее судьба, чувствует себя как дома.

Потом Тося не спеша обошла комнату, знакомясь с новым своим местожительством. Она переходила от койки к койке с видом отважного путешественника, углубляющегося в дебри неисследованного края, пытаясь по вещам догадаться, с кем придется ей жить под одной крышей.

Неказист уют девичьего общежития в глухом лесном поселке. Кроме коек и тумбочек, были еще в комнате стол, разнокалиберные стулья и табуретки, старый бельевой шкаф со скрипучей дверцей, жестяной умывальник. Осталось еще упомянуть про громкоговоритель и часы-ходики с крупной гайкой неизвестного происхождения, привязанной для тяжести к гирьке, — вот и все, чем комендант снабдил своих подопечных.

Все койки по воле коменданта были застланы одинаковыми бурыми одеялами, а тумбочки выкрашены в тот же невеселый практичный цвет. Но, несмотря на все это унылое однообразие, каждая койка имела все же свое лицо. Привычки и склонности девчат, живущих в этой комнате, боролись с казарменной обезличкой, которую пытался установить комендант, и одни девчата добились в этой борьбе явной победы, а другие подчинились армейскому вкусу коменданта.

По-солдатски суров и непритязателен был весь угол комнаты возле первой койки. Не было здесь ничего от себя, своей добавки к казенному уюту. Лишь на тумбочке стояла бутылка с постным маслом и банка с солью, возвещающая, что хозяйка готовит обеды дома.

Равнодушием к уюту вторая койка могла бы поспорить с первой. В этом углу сразу же бросалась в глаза тумбочка, погребенная под ворохом книг. Технические справочники и лесные журналы лежали вперемишку с пухлыми романами. Попадались и новые книги с крепкими корешками, но больше было старых, пожелтевших и зачитанных, порой даже без начала и конца. Судя по некоторым признакам, можно было определить, что хозяйка второй койки любила читать лежа: койка ее прогнулась же-лобом и видом своим сильно смахивала на гамак.

Третья койка наглядно свидетельствовала о домовитости ее хозяйки и склонности к рукоделию. Казенное одеяло было спрятано под кружевным покрывалом, а в изголовье высилась целая горка подушек, увенчанная маленькой думкой. На спинке койки

висело богато вышитое полотенце, а на стене — дорожка с аппликациями. Перед койкой на полу распластался единственный в комнате самодельный коврик, связанный из разноцветных тряпичных полос. И даже унылая тумбочка, покрытая салфеткой с мережкой, выглядела именинницей.

И четвертая койка тоже носила некоторые следы домовитости, но только хозяйке ее, кажется, не хватало терпения и усидчивости своей соседки: покрывалом были накрыты лишь подушки, и вышивка на полотенце была победнее. Зато на тумбочке возле этой койки стояло самое большое в комнате зеркало и вокруг него дружно грудились флаконы с одеколоном, баночки с кремом, пудреница, расчески, щеточки и прочий инвентарь, состоящий на вооружении человека, озабоченного поддержанием своей красоты.

Книги и журналы Тося оставила без внимания, а в большое зеркало заглянула и перенюхала все флаконы, стоящие на тумбочке. За этим занятием и застал ее комендант, неслышно выросший на пороге.

— Держи! — крикнул он, бросая Тосе подушку. — Выход на работу в семь ноль-ноль, столовая — с шести. Привет!

Комендант помахал рукой перед своим носом и хлопнул дверь.

В простенке за печкой Тося нашла сухие дрова и, недолго думая, затопила печь и поставила на плиту чайник. Она наливала в чайник воду из ведра, когда дверь самую малость приоткрылась и в комнату боком проскользнул пожилой дяденька с добрым морщинистым лицом. В руке он держал авоську, из которой воинственно торчали длинные макароны.

— Здравсте... — неуверенно сказала Тося, не понимая, что надо этому человеку в женском общении.

Дяденька молча, как старой знакомой, кивнул Тосе, прошел в «солдатский» угол комнаты и стал перекладывать содержимое авоськи в тумбочку. Тося долила чайник и набила топку дровами, искоса поглядывая на непонятого человека.

А тот вынул из широкого кармана таинственный пакет, бережно освободил его от множества оберток — и на свет божий глянули знаменитые сусальные лебеди. Из другого кармана незнакомец достал гвоздик, вколотил его гаечным ключом в стену над суровой койкой и повесил картинку с лебедями.

— Не криво? — спросил он у Тоси.

— В самый раз.

Дяденька извлек из неистощимых своих карманов письмо и положил его на койку-гамак. На прощанье он полюбовался лебедями, объявил Тосе:

— Сюрприз! — и бочком выскользнул из комнаты.

Готовясь к чаепитию, Тося вынула из баула помятую жестяную кружку, полумесяц зачерствевшего в дороге бублика и надкусанную конфету «Мишка на севере». Конфету Тося сразу же сунула в рот и с новой энергией стала рыться в утробе своего баула, но больше ничего съестного там не нашла. Она оставила баул в покое и с решительным видом принялась обследовать чужие тумбочки. Многое приглянулось Тосе — и вскоре весь угол стола был завален вкусной снедью.

Закипел чайник. Тося щедрой щепотью кинула в него чужую заварку, горделиво оглядела стол и се-

ла чаевничать. Она сунула в кружку с чаем большущий кусок сахара, отхватила от булки румяную горбушку, намазала ее толстым слоем масла, густо нашлапала сверху варенья — и только поднесла было заманчивый бутерброд ко рту, как в коридоре послышался топот ног и в комнату вошли живущие здесь девчата: Вера с Катей, Анфиса и немного позже Надя с охапкой дров. Они сгрудились у порога, во все глаза рассматривая незнакомую девчонку, восседающую за столом и уничтожающую их припасы.

— Ты что тут делаешь? — спросила Катя, сильная, ловкая девушка, красивая не так лицом, как всей своей рабочей статью, которую не скрадывал даже мешковатый ватник.

— Чай пью... — отозвалась Тося и отхлебнула из кружки, показывая непонятливым девчатам, как люди пьют чай.

— Да откуда ты взялась?

Тося поперхнулась чаем, закашлялась и неопределенно махнула рукой за спину — туда, где, по ее мнению, находилась Воронежская область. Катя не поняла Тосиной сигнализации и переспросила:

— Откуда, говоришь?

Тося неохотно отвела целехонький бутерброд от губ и сердито ткнула им в сторону своей койки.

— Всю жизнь о такой соседке мечтала! — насмешливо сказала Анфиса.

Она работала телефонисткой на коммутаторе, одевалась лучше всех в комнате и была красива той броской красотой, которая сразу же приковывала внимание: мужчин заставляла оборачиваться на улице, а женщин провожать ее завистливыми глазами. Но было в Анфисе и что-то хищное, кошачье. Сliš-

ком рано в жизни Анфиса узнала, что она красива, и это знание обернулось для нее чувством своего извечного превосходства над другими девочками. Ни с кем в комнате Анфиса не дружила и по-своему уважала одну лишь Надю — за то, что часто не понимала ее.

Анфиса шагнула к столу и отодвинула от Тоси свою банку с вареньем.

— Это кто же научил тебя по чужим тумбочкам лазить?

— Так вас же никого не было, — оправдывалась Тося, не чувствуя себя ни капли виноватой. — А у меня сахар кончился! Мы в детдоме так жили: все — общее...

— Детдомовская! — презрительно выпалила Анфиса. — Оно и видно!

Тося приподнялась было, чтобы защитить честь родного детдома, но Вера — самая взрослая из девочек — удержала Тосю на табуретке и придвинула к ней свою пачку печенья:

— Пей чай, а то остынет.

Тося послушно отхлебнула из кружки, наконец-то добралась до вкусного бутерброда и с набитым ртом снизу вверх признательно глянула на добрую Веру.

Вера училась заочно в лесном техникуме, работала разметчицей на верхнем складе и была старостой комнаты. Она успела уже побывать замужем, и все девочки, кроме Анфисы, привыкли советовать с ней. Для всех в комнате Вера была непререкаемым авторитетом, и даже бойкая Анфиса остерегалась с ней спорить.

— Прямо из детдома к нам? — поинтересовалась Вера, и в голосе ее прозвучала жалостливая нота.

Тося терпеть не могла, когда ее жалели, как несчастную сиротинку, и насупилась.

— Нет, я уже сезон в совхозе проработала. По-критиковала агронома — меня и... того, по собственному желанию... Девчонки, это правда, у вас тут медведей в лесу тьма-тьмушая?

— Ты нам медведями зубы не заговаривай! — оборвала ее Анфиса.

— И чего ты на меня взъелась?.. — Тося оглядела девчат. — У вас каждая сама за себя живет? — догадалась вдруг она и сокрушенно покачала головой, жалея, что заехала в такие дикие частнособственнические края. — Давайте так: все мое — ваше, и наоборот...

— Видно, больше наоборот! — съязвила Анфиса.

Она спрятала в свою тумбочку банку варенья, а заодно уж вытащила из-под койки чемодан и проверила, цел ли замок. Завидев такое, Тося вскочила с табуретки и стукнула кружкой по столу, расплескивая чай.

— Девчата, да вы что?!

Тося схватила свой баул и перевернула его над столом. На клеенку посыпались свернутое жгутом полотенце, новенькая пластмассовая мыльница, зубная щетка, немудрящее Тосино бельишко, одна-разъединственная варежка с левой руки, осколок хорошего толстого зеркала, крупная дешевая брошка, разномастные пуговицы и перевязанная ленточкой пачка фотографий самых любимых Тосиных киноактрис.

— Вот, пользуйтесь!

— Богато живешь! — фыркнула Анфиса.

— «Пользуйтесь!»! — взвизгнула смешливая Катя, хватаясь за живот. — Ну и комик!

— Хватит вам, — остановила подруг Вера, снимая с плеча полевую кирзовую сумку.

Одна лишь рослая хмурая Надя не принимала участия в общем разговоре, будто и не видела Тоси. Заприметив лебедей над своей койкой, она тихо спросила:

— Ксан Ксаныч приходил?

— Был тут один старичок... — отозвалась Тося.

Катя шикнула на нее и толкнула в бок. Удар пришелся в ту самую невезучую косточку, которую растрясла Тося в грузовике. Она поморщилась, потеряла пострадавший за здорово живешь бок и спросила густым шепотом:

— А кто ей этот дядька?

— Же-них! — еле слышно ответила Катя.

— Да разве такие женихи быва...

Надя покосилась в их сторону — и Катя поспешно запечатала рукой Тосин рот. И Вера строгоглянула на Тосю, нарушившую по неведению какой-то неписанный закон комнаты.

— Поменьше болтай, — сказала она и пошла в свой угол.

Подкладывая в печку дрова, Надя пристыдила Тосю:

— Ты что же, кума, всю сухую растопку спалила? Дрова у нас за домом в крайней поленнице.

— А я ж не знала... — проямлила Тося, не решаясь почему-то дерзить суровой Наде, которой так не повезло с женихом.

Надя мельком глянула на съезжившуюся Тосю и отвернулась, признавая причину уважительной. Она хлопотала у плиты, готовя ужин для себя и Ксан Ксаныча. Руки ее — большие и сильные — умело

делали свое привычное дело, а лицо было какое-то безучастное, словно ничего вокруг Надя не видела и все время думала одну невеселую думу.

Таких рослых и крепких девчат, как Надя, беспрекословно берут на работу самые привередливые начальники и охотно принимают в свою бригаду рабочие. По общему мнению всех ее подруг и знакомых парней, Надя была некрасива. Те ребята, которые нравились Наде, всегда хорошо о ней отзывались, стреляли у нее пятерки перед получкой, уважали ее, случалось, даже дружили с ней, — а влюблялись в других девчат и женились на них.

В свои двадцать семь лет Надя уже свыклась с выпавшей на ее долю участью, стала молчаливой и замкнутой. Кажется, она примирилась с судьбой и даже выбрала жениха под стать себе. А впрочем, в Наде чувствовалась упрямая, до времени дремлющая сила, будто сжатая пружина сидела в ней и с каждым днем сжималась все крепче и тесней, чтобы когда-нибудь распрямиться и сработать — неожиданно для всех, да и для самой Нади...

Вера повесила полевую сумку над тумбочкой с книгами и заметила на подушке письмо, принесенное Надиным женихом. Тень скользнула по лицу Веры, и вся она как-то посуровела и подобралась, будто встретилась с давним своим врагом. Мельком глянув на конверт, Вера брезгливо взяла письмо двумя пальцами, шагнула к печке и кинула его в топку. Удивленная Тося поперхнулась чаем и обежала глазами девчат, но ни одна из них даже и бровью не повела, будто так и надо — жечь письма, не читая их.

— Опять от мужа? — спросила Надя.

Вера коротко кивнула головой.

— Красивый у него почерк! — похвалила Катя, разглядывая в топке конверт.

— Да, почерк у него красивый... — нехотя согласилась Вера и отошла от печки.

Тося испуганно смотрела на письмо, корчившееся в огне, будто ему больно было, что его не прочитали.

— А я еще ни одного письма в жизни не получила! — призналась она. — Даже открыточки...

— Ладно, — оборвала ее Вера. — На работу уже устроилась?

— Определилась! — с гордостью ответила Тося. — На участок мастера Чуркина. Поваром...

Катя снова взвизгнула:

— Повар! Гляньте, люди добрые!

— Эта наготовит! — подхватила Анфиса. — Подтянет у ребят животики... Да ты знаешь, как трудно лесорубам угодить?

— Будет вам, совсем девчонку затуркали, — приструнила не на шутку расходившихся девчат Вера и посочувствовала Тосе: — Что делают, а? Никто из местных в повара не идет — так тебя поставили!

Тося оробела.

— Много едят? Привередливые?

— Поработаешь в лесу, так узнаешь... Ты хоть стряпала когда-нибудь? — полюбопытствовала Катя.

— Приходилось... Я вообще способная, — доверчиво сказала Тося. — Научные работники не жаловались.

— Научные работники? — опешила Катя.

— Ты ври, да знай меру! — посоветовала Анфиса.

Новенькая чем-то раздражала Анфису, ей все время хотелось разоблачить дерзкую девчонку и вывести ее на чистую воду.

— А чего мне врать? — изумилась Тося. — Когда из совхоза меня вытурили, я настрочила письмо в газету. А пока там проверяли, чтобы факты подтвердились, я и подалась к одним преподавателям в домработницы. Он — доцент, а она... это самое, аспирантка, вот и получают самые настоящие научные работники! Если хочешь знать, к нам и профессор один приходил чай пить. Большой, говорят, учености человек, а только мне он не показался...

Анфиса досадливо отвернулась, злясь, что Тося выкрутилась и на этот раз. А Катя с жгучим любопытством уставилась вдруг на новую свою соседку и придвинулась к ней со стулом, чтобы получше рассмотреть бывшую домработницу.

Катя была родом из ближней деревни и никуда дальше райцентра не ездила, но за два десятка прожитых ею лет, помимо лесорубов, колхозников и трактористов, с которыми она встречалась каждый день, как только начала себя помнить, перевидала немало и других людей. В разное время и при разных обстоятельствах Катя видела: электриков, пилоправов, плотников, слесарей, зоотехников и агрономов, кочегаров и бухгалтеров, машинистов и машинисток, механиков, инженеров, лесников и лесничих, топографов, таксаторов¹, геологов, радистов, сплавщиков и речников, секретаря райкома партии и председателя райисполкома, руководящих комсомольских и профсоюзных работников, корреспондентов, фотографов, операторов кинохроники, нагрывавших в прошлом году снимать передовую бригаду, учите-

¹ *Таксатор* — оценщик, ведущий учет и материальную оценку леса.

лей, фельдшериц, докторов и зубного техника, бурового мастера, специалистов по борьбе с лесными вредителями, одного водолаза, киномехаников, артистов, чтеца-декламатора, двух лилипутов, заезжего факира и шпагоглотателя, заготовителей грибов и ягод, инспектора по клеймению гирь и весов, многочисленных и сердитых уполномоченных, приезжающих в лесопункт «снимать стружку» с местного начальства, судью и прокурора, управляющего лесозаготовительным трестом, маникюршу, настоящего дамского парикмахера, берущего за модную завивку пятьдесят рублей, летчиков лесной авиации, лекторов и даже самого председателя Совнархоза, — а вот с живой домработницей Катя повстречалась впервые в жизни.

— Ну и как? — спросила Катя, с почтительным любопытством взирая на человека такой редкостной и неуловимой профессии.

— Что как? — не поняла Тося.

— Работалось как и... вообще?

Катя неопределенно покрутила рукой в воздухе.

— Три недели выдержала, а потом сюда завербовалась.

— Ты смотри, что делают! — ахнула Катя, уперлась своим стулом в Тосину табуретку и спросила сердобольным шепотом: — Эксплуатировали?

— Вот еще! Так бы я и позволила...

Катя растерянно поморгала.

— Куском попрекали? — догадалась вдруг она.

— Да нет! Очкарики мои сознательные были. Я у них... прямо как при коммунизме жила: утром девочку в садик отведу, на рынок сгоняю и сижу себе на балконе. Пока обед варится, я квартиру убираю.